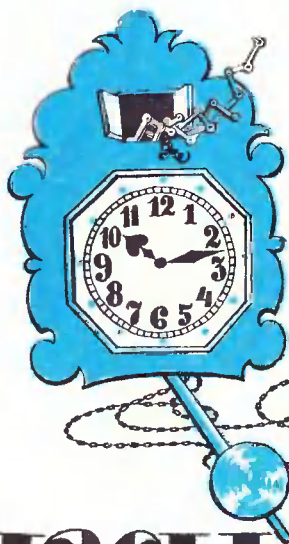

БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА

14
(667)

ЯНУШ ОСЕНКА

ЧАСЫ С
КУКУШКОЙ

Дружеский шарж
Кароля ФЕРСТЕРА

РАЗГОВОР С ОСЕНКОЙ

В приличном обществе у женщины не спрашивают, сколько ей лет. И так известно, что ей больше, чем она скажет, и меньше, чем нам кажется.

А вот юмористам то и дело приходится отвечать на нескромные вопросы: сколько вам лет, когда вы родились, в каком возрасте начали писать, и так далее, в том же духе. Видимо, существует мнение, что, только рассказывая о себе, юморист может в полной мере проявить свой талант и насмешить читателей до слез.

Поддавшись этой традиции, я тоже спросил у Януша Осенки:

— Когда ты родился?

Его и без того длинное лицо стало еще длиннее, и он грустно ответил:

— Я родился 13 сентября 1925 года, и с тех пор в моей жизни не случилось ничего интересного.

Сообразив, что Януш острит, я громко расхохотался.

Его лицо вытянулось еще больше, и он так же вяло продолжал:

— Если же тебя интересуют военные подвиги, грандиозные успехи в мирной жизни и на литературном поприще, ордена и прочие награды, я тебе советую ознакомиться с биографией другого писателя.

Здесь я понял, что в жанре автобиографическом Януш достиг потолка, и больше не стал задавать ему вопросов.

Тогда я обратился к его творчеству. Перевел несколько десятков его новых юморесок и собрал их в этой книжке.

Наум ЛАБКОВСКИЙ

ЯНУШ ОСЕНКА

**ЧАСЫ
С
КУКУШКОЙ**

ЮМОРЕСКИ

Авторизованный перевод с польского

Наума ЛАБКОВСКОГО

Рисунки Г. ОГОРОДНИКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

МОСКВА 1972

Подарок

Собираясь на именины, мы, согласно установившемуся повсеместно обычаю, обшариваем все углы квартиры, чтобы найти предмет, меньше всего пригодный к употреблению, и отнести его в подарок. Больше всего подходят для этой цели кошмарные вещи, которые были презентованы нам самим в день наших именин. Здесь надо только помнить, что не следует по рассеянности возвращать вещьцу именно тому лицу, которое ее вам подарило.

Впрочем, иногда мы так тщательно подчищаем всякий мусор в своей квартире, что, будучи приглашены в гости, совсем не можем найти что-либо подходящее для подарка. Тогда нам приходится выбрать что-нибудь из своих собственных вещей, конечно, самое скверное, чтобы потом не очень переживать утрату. Но, несмотря на все предосторожности, имеют место случаи, когда, вручив презент, мы переживаем страшный удар из-за собственного непростительного мотовства.

Со мной было нечто подобное. Однажды приятель пригласил меня на именины. Я обшарил все углы на чердаке и в погребе и, конечно, безрезультатно. Не мог же я отнести в подарок ржавый сердечник от утюга! После долгих размышлений я пришел к решению, что единственная вещь, которую я могу пожертвовать,— это испорченный радиоприемник. В радиомастерских его отказывались исправить, а купить его не желали даже в пунктах скупки утильсырья. Я разработал план: в тот момент, когда я буду торжественно вручать подарок имениннику, я как бы нечаянно уроню его на пол. Все подумают, что приемник испортился от удара.

Все произошло в точном соответствии с планом. Я выронил приемник сейчас же после того, как поздравил именинника. Подняв

приемник, я для верности еще раз грохнул его об пол в тот момент, когда снимал пальто. Теперь уж ни у кого не должно было остаться сомнений.

Именинник очень меня благодарил, поднял приемник, заботливо распаковал его и включил в сеть. Вы можете представить себе мою ярость, когда аппарат заиграл. Надо же придумать такое: я починил его.

Приятель-именинник рассыпался в благодарностях: замечательный подарок! Гости получали удовольствие, слушая прекрасную музыку, звучащую из моего приемника. Только я мрачно молчал весь вечер.

Теперь приближаются мои именины, на которые я должен буду пригласить своего приятеля, только нечего и надеяться, что он принесет мне обратно мой радиоприемник. Приятель слишком смысленный.

БУМАГА ДЛЯ МАШИНКИ

— Здравствуйте, могу ли я купить пятьсот листов бумаги для пишущей машинки?

— К сожалению, бумагу для пишущей машинки мы продаем только по заявкам.

— Вот я и делаю заявку. Я писатель, и бумага мне нужна для сочинения повести.

— В последнее время появилось так много плохих повестей, что нам пришлось установить ограничение. Теперь мы продаем бумагу только после утверждения повести.

— Но это весьма затруднительно...

— Отнюдь нет. Произведения утверждаются на месте мною. Вы мне расскажите содержание повести, которую вы собираетесь написать, а я вам либо продам бумагу, либо не продам.

— Это невероятно! Я должен рассказать вам свою повесть?

— Никто вас к этому не принуждает. Для меня это не развлечение, а работа. Вот сейчас должен прийти Казимир Брандыс, он будет рассказывать мне содержание своей новой трилогии.

— Ничего не поделаешь. В повести будет рассказана история одного молодого ученого. У него есть жена, но он все время работает. Он посвящает всего себя изнурительной научно-изобретательской работе, результаты которой, увы, неверны. Вам нравится это?

— Не очень.

— Тогда жена героя убегает с неким комбинатором. Отчаявшийся ученый обескуражен, но продолжает работать целые дни. Тут ему

помогает скромная ассистентка, целиком отдавшаяся науке. Совместная работа приносит замечательные результаты. Герой делает ценное открытие, становится профессором и женится на своей ассистентке. Тем временем комбинатора арестовывает милиция. Жена кончает жизнь самоубийством. Ученого министр премирует за изобретение корзиной цветов. Ну как?

— Не знаю, право... Непонятно, почему жена сбежала. Если бы она лучше подумала, она бы не сделала такой глупости.

— Она вынуждена была его бросить. Ученый, к сожалению, мало зарабатывал. А она хотела шикарно жить.

— Прекрасно. Так пусть ученый не забывает себе голову изобретениями, а старается заработать деньги. Он может давать частные уроки.

— А жена, по-вашему, не должна полюбить комбинатора?

— Конечно, нет. Комбинации еще никого не довели до добра.

— А ассистентка?

— Она может существовать. Но зачем сразу жениться? Небольшой роман с ассистенткой, под тихую.

— А самоубийство?

— Не вижу для него повода. Будут жить без тревог, жена и не подумает о самоубийстве.

— А вам не кажется, что в таком виде повесть никто не станет читать? Герои живут счастливо, ну и что? В чем конфликт? Если все идет так гладко, не стоит и приниматься за повесть.

— Наконец вы это поняли. А хотели легкомысленно изводить бумагу!..

МОЛИТВА

Товарищ Маераньский пытался принудить к сожителству одну из подчиненных ему работниц и, потерпев фиаско, уволил ее согласно тридцать второму параграфу. В ожидании некоторых неприятностей он пошел помолиться в костел.

— Боже милостивый,— горячо шептал товарищ Маераньский,— сделай так, чтобы это дурацкое дело не всплыло, потому что весь мой безупречный долголетний стаж пойдет из-за этого к чертям со-

бачьим, чего, конечно, ты, дорогой боженька, не допустишь! Сверши, боже всемогущий, чтобы эта взбесившаяся баба перестала ходить с жалобами в уездный комитет, потому что еще немного и там доищутся кое до чего. Умоляю тебя, боже, запутай и переверни мое дело так, чтобы никто не смог узнать, в чем моя вина, ибо ты все умеешь, всеильный боже, амины!

Товарищу Маераньскому в некоторой степени повезло, потому что как раз в этот день бог решил приступить к рассмотрению молитв руководящих работников средней величины, поскольку за последнее время их собралось довольно много. Бог вызвал к себе ангела-референта, чтобы тот осветил вопрос, как полагается.

— Молитвы по делам бытовым,— сказал ангел,— те, что просят о премиях, выдвижении, повышении по службе, об отпуске и санаторных путевках в привлекательные места, я уже уладил самостоятельно, как господь-бог приказал.

— Хорошо,— одобрил творец.— Что там еще интересного?

— Есть несколько молитв на всякий случай...

— Что это значит? — удивился всевидящий.

— Это значит,— объяснил ангел,— что эти молящиеся не уверены в том, что бог существует, и молятся на всякий случай.

— Пусть отправляются к дьяволу! — рассердился бог.— Неужели и впрямь кто-нибудь так молится?

— Да,— подтвердил ангел, предварительно проверив это на электронной аппаратуре.— Есть несколько таких.

— Я им покажу!..— рассердился бог и, высунувшись слегка из-за туч, закричал: — Смотрите там у меня! Как пошлю на вас выговор с предупреждением, так сразу поверите, что я существую!

Накричав на маловеров, бог сказал:

— Выкладывай, какие там еще есть личные молитвы. И, пожалуй-ста, посмотри сам, кто о чем просит, потому что я близорукий.

Ангел посмотрел на землю.

— Председатель сельскохозяйственного кооператива просит, чтобы у него уродилась сахарная свекла.

Бог взял бинокль и посмотрел в указанном направлении.

— Что?— ужаснулся он.— На такой земле свеклу? Почему бездельник не посеял здесь пшеницу?

Минуту спустя, впрочем, он немного отошел и приказал ангелу:

— Пошли ему инструктора сельскохозяйственного отдела воеводского комитета, чтобы в другой раз он знал, что нужно сеять...

Продолжая осмотр земли, бог увидел вдруг директора учреждения, который бил поклоны в каком-то костеле и бормотал что-то непонятное себе под нос.

— Чего он, собственно говоря, хочет?

— Ничего не хочет,— пояснил ангел,— потому что он человек абсолютно неверующий.

— Почему же он молится? — удивился творец.

— Жена ему приказала, — объяснил ангел. — Сама верующая и велит ему тоже ходить в костел и молиться. Вот чтобы его оставили в покое, он и стоит на коленях, а сам бормочет что попало.

— Это хулиганство! — рассердился бог и погрозил из-за туч. — Чего бормочешь, болван? Пошел вон из костела!

В эту роковую минуту божеского гнева прибыла на небо пылкая молитва товарища Маераньского, который надеялся с помощью господа бога отвести от себя верные неприятности.

— А этот там чего хочет? — воскликнул бог.

— Это товарищ Маераньский с долголетним стажем. Он совершил аморальный поступок, и теперь его дело должно разбираться на бюро. Просит, чтобы всемогущий так запутал улики, чтоб его оправдали.

— Какая наглость! — закричал бог и с возмущением стукнул кулаком по небесному трону. — Он воображает, что я стану пачкать свои святые персты о его грязные делишки и спасать его от наказания? Немедленно переслать его дело в высшую инстанцию! И пусть его вышвырнут!

Ангел-референт скрупулезно выполнил указание.

А товарищ Маераньский, которого вскоре сняли с работы, с тех пор говорит всем, что бога не существует, потому что если бы бог был, то уж, конечно, он бы услышал молитву.

Я отворил дверь кабинета и вошел внутрь. Начальник встал из-за стола и пошел мне навстречу. Он твердо шагал с высоко поднятой головой, а я спешил, чтобы поспеть к месту встречи, так как передо мной был гигантский стол заседаний, который я должен был обогнуть. Мне пришлось ускорить шаг, хотя я и так имел привычку ходить быстро. На половине дороги у начальника появилась широкая улыбка — признак того, что он приветствует меня весьма охотно. Тс-

перь уже мы оба шли радостно, как два старых друга. Начальник вытянул руки для приветствия. Я также протянул руки, и мы продолжали идти, готовые к сердечному рукопожатию. Начальник воскликнул издали: «Приветствую вас!» Прошло еще несколько минут, и мы обменялись рукопожатиями, сидя у края стола заседаний.

Едва я приступил к изложению вопроса, как двери кабинета отворились и на горизонте показалась секретарша. Сначала мне было трудно сориентироваться, следует ли она в нашем направлении или удаляется в сторону письменного стола. Но так или иначе нить беседы была прервана, и мы оба стали наблюдать за продвижением секретарши. Я невольно стал обдумывать, как нужно трактовать ее появление в кабинете. Конечно, я мог бы не обращать на нее никакого внимания и продолжать дальше излагать свое дело. Но секретарша казалась сильно озабоченной: видимо, причина ее вторжения была не пустячной.

У нее была очень короткая узкая юбка, и поэтому, чтобы прибить к своей цели как можно скорее, она вынуждена была делать множество мелких шажков. Начальник стал беспокойно поглядывать на часы. Наконец он поднялся и пошел ей навстречу. Взяв у нее из рук лист бумаги и прочитав его, он сморщил лоб, достал из кармана вечное перо и поставил свою подпись. Возвратив бумагу секретарше, начальник направился в мою сторону. Спустя минуту он вновь сидел передо мной.

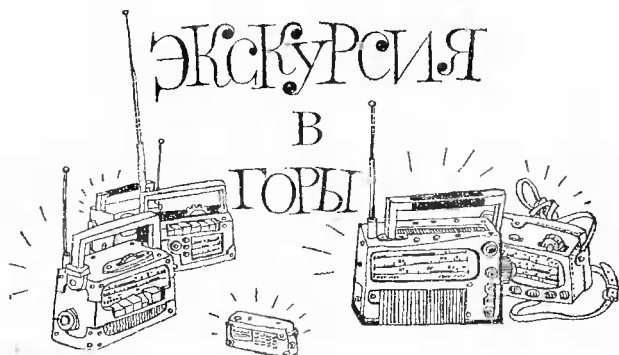
Теперь секретарша направилась к двери. Ее шаги были четко слышны на мягком ковре. Я люблю тишину, и меня заранее нервировала мысль о том, что вот сейчас секретарша переступит границу ковра и окажется на голом паркете. Я представлял себе, как она там будет стучать! Но секретарша никак не могла дойти до паркета. Утомившись от длинного пути, она замедлила шаг. Теперь она шла по мягкому ковру, как бы прогуливаясь.

Мы с начальником сидели в полном молчании, каждый был занят своими мыслями. И вот секретарша вышла на паркет! Стук ее каблучков стал невыносимым. По мере того, как она приближалась к двери, стук все усиливался. Видимо, это было своеобразное акустическое явление кабинета. Первым потерял терпение начальник. Он взглянул на часы и сказал:

— Уже поздно! Может быть, вас подвезти по дороге?

Я взглянул на стальные часы. Действительно, время пролетело незаметно. Если бы я принял предложение начальника, мне пришлось бы ждать, пока он сходит к своему столу за портфелем. Я рисковал опоздать на свидание.

Я поблагодарил начальника за аудиенцию. Мы дружески попрощались издали, и каждый пошел своей дорогой: начальник к своему столу, а я к выходу, вслед за секретаршей, которая все еще не могла добраться до двери.

Кроме индивидуального туризма, существуют, как известно, коллективные экскурсии на двадцать, пятьдесят, а порою даже на сто транзисторов. Теперь коллективные экскурсии уже не подразделяются на детские, крестьянские, студенческие или рабочие. Коллективные туристические группы определяются исключительно количеством транзисторных приемников.

Лично я недавно отправился с такой достаточно представительной коллективной горной экскурсией на пятьдесят транзисторов. Не важно, куда нас вела горная трасса, потому что осмотр красот природы не входил в задачи экскурсии. Они были гораздо более современными. Речь шла о регулировании тембра и звука, умении найти самую дальнюю станцию, а также о качестве настройки.

Туристическое оснащение было у нас весьма разнообразным и зависело от склонностей и достатка участников, а также от физических данных, так как некоторые из нас несли транзисторы огромные, водонепроницаемые, приспособленные для океанских судов. Несмотря на столь мощную конкуренцию, я со своим скромным и уже далеко не новым транзистором не чувствовал себя в этом туристическом коллективе парией, потому что мой аппарат, в который я только что вставил новые батарейки, работал, может быть, и не очень чисто, но зато исключительно громко. Я нес его на груди на кожаном ремешке, переброшенном через шею. Благодаря этому я имел возможность свободно манипулировать обеими руками, беспрерывно переводя рычажки и меняя волны. На экскурсиях я люблю всякую музыку, но не пренебрегаю и живым словом, поэтому мне удалось поймаť беседу о горной дичи. К сожалению, я не мог получить иллюстрации к этой беседе в виде живых экспонатов, поскольку если в горах еще и сохранилась какая-нибудь дичь, то она,

без сомнения, была сметена с лица земли могучим голосом транзистора, возглавлявшего нашу экскурсию.

Первым в цепи транзисторных приемников у нас был знаменитый «Оушн бой», оснащенный девятнадцатью транзисторами и двадцатью семью диодами, с динамиком мощностью в два с половиной ватта. Мощность этого динамика была так велика, что, если бы его включить в комнате на полную силу, совершивший этот безумный шаг тут же вылетел бы в окно. Справедливости ради надо сказать, что в открытом пространстве приемник не имел такой сокрушающей силы. Но следует принять во внимание, что наша экскурсия была пятидесятитранзисторная. Гиганту вторили и аккомпанировали «Спидолы», «Селги», «Сонаты», «Бляупункты», «Теслы», «Филипсы» и всякая прочая мелочь.

Сколько прелестей таит в себе горная экскурсия, знает лишь тот, кто сам со своим транзистором побывал хоть раз на туристской тропе. Вот повстречалась нам экскурсия намного меньшая, чем наша,— всего на тридцать транзисторов. Их голоса мы легко и не без спортивного удовлетворения подавили.

Вот появилась семья с детьми — если считать на круг, всего шесть транзисторов. Они прошли мимо нас с печалью и завистью в глазах, нельзя было даже определить, включены ли их приемники, и даже самое острое ухо не уловило бы их голосов в нашем коллективном радиоконцерте, состоявшем из музыки, пения, декламации, лекций, бесед, последних известий, сельскохозяйственных консультаций, юридических советов, трансляций драматических спектаклей одновременно на родном языке и на многих иностранных.

Сколько в такой горной экскурсии неповторимой красоты, сколько дает она нам впечатлений и эмоций!

— Слушайте, слушайте! Он поймал Люксембург! — вскрикивал кто-нибудь.

— Прибавь звука! — слышалось сразу с нескольких сторон. — Не крути, потеряешь станцию! На какой волне? Сколько килоциклов?

И мы шли дальше, радостные, не чуя усталости. Вертели рычажки и колесики, полные энтузиазма, вдохновляемые открытием среди свиста и треска каждой новой станции. Конечно, не обошлось и без мелких неполадок: у этого сели батарейки, и он как помешанный бросился в обратную дорогу домой; у другого приемник свалился в пропасть и хотя продолжал звучать, но уже в месте, недоступном для его владельца. Зато остальные транзисторы гремели еще громче, переливаясь всеми оттенками тембров, создавая настоящий букет звуков.

Возвращаясь с экскурсии, довольные и радостные, мы думали о недавних временах, когда еще не было транзисторных приемников. Как выглядел тогда туризм? Как преодолевали наши отцы эти кру-

тые тропы с огромными ящиками ламповых радиоприемников на плечах? Носили ли они с собой и электростанции?

Не без гордости мечтали мы также о том, какие изумительные виды откроются нам вскоре на горных тропах благодаря транзисторным телевизорам, которых через каких-нибудь десять лет придется по два, а может, и по три на каждого туриста.

САПОЖНИК

Невдалеке от моего дома на углу помещалась маленькая мастерская. В витрине за стеклом стояли старые ботинки, а выше висела вывеска «САПОЖНИК».

Сквозь стекло витрины можно было видеть владельца мастерской. Он сидел на табуретке и чинил поношенную обувь.

Однажды эта вывеска исчезла, а на ее месте над витриной появилась целая фраза, старательно выписанная красивым почерком: «САПОЖНИК ОКАЗЫВАЕТ УСЛУГИ НАСЕЛЕНИЮ».

Меня заинтересовало, что за услуги может оказывать сапожник, кроме того, что он чинит ботинки. Может быть, он организовал бюро частных детективов? Может, занимается шлифовкой бриллиантов или починкой часов?

Я решил выяснить это и зашел к нему.

— Трудно работать, — сказал мастер. — Многие смотрят на меня с недоверием. А теперь все выглядит куда солиднее. Пусть все знают, что я тоже читаю газеты и шагаю в общем строю.

Но, видимо, это не очень помогло. Сапожника обошли при распределении дратвы, и бедняга вынужден был сочинить новую вывеску: «САПОЖНИК ОКАЗЫВАЕТ УСЛУГИ ТРУДЯЩИМСЯ».

Ознакомившись с новым содержанием вывески, я поинтересовался у сапожника, как теперь идут его дела.

— Пока еще не очень хорошо, — печально сказал он. — Несмотря на новую вывеску, меня все еще не считают полноценной трудовой единицей. Разве моя вина, что я не шахтер и не металлург? Мой отец был сапожник, он и научил меня подбивать подметки...

Ох! Я уж и не знаю, какую еще вывеску придумать, я человек не-образованный. Вот если бы вы... Вы писатель. Если бы вы захотели! — Он нервно мял в руке ремень.

Сердце не камень. Я тут же взялся за работу, и теперь прохожие с восхищением читают над сапожной мастерской новую вывеску: «МАСТЕР, БОРЮЩИЙСЯ НА СВОЕМ УЧАСТКЕ ЗА ВЫСОКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ, РЕМОНТИРУЕТ БОТИНКИ ТРУДЯЩИХСЯ, ШАГАЮЩИХ В ЕДИНОМ СТРОЮ».

С тех пор как эта вывеска появилась над входом в мастерскую, сапожник стал пользоваться неопишуемым уважением. Проходя мимо мастерской, представители финансовых органов приветливо машут ему руками, мужчины снимают шляпы, милиционеры прикладывают руки к козырькам, а матери поднимают вверх улыбающихся детей.

Только никто уже не приносит сапожнику обувь в починку. Как-то неловко досаждают ему поломанным каблуком.

НАГМОРК

Заянчкович отправился с женой в театр. Когда они заняли свои места в партере, пани Заянчкович обратила внимание своего супруга на гражданина, сидевшего прямо перед ним.

— Посмотри,— сказала она, указав на блестящую в свете люстр лысину,— это твой директор.

— Действительно,— подтвердил Заянчкович и стал разворачивать плитку молочного шоколада.

В это время подняли занавес, и Заянчкович то ли из-за мокрой погоды, стоявшей на дворе, то ли по причине сквозняка, потянувшего из-за кулис, внезапно застыл на месте, потом судорожно схватил воздух и чихнул изо всех сил, обильно опрыскав лысину сидевшего впереди директора.

Директор обернулся, смерил взглядом Заянчковича, достал из кармана носовой платок и, вытерев лысину, произнес:

— Ах, это вы, пан Заянчкович...

Заянчкович ничего не ответил, только легко наклонил голову. Директор мрачно повернулся к сцене.

— Обрызгал директора! — прошептала пани Заянчкович на ухо

своему супругу.— Как же это так? Поворачивай голову, когда чихаешь!

Увлеченный происходящим на сцене, Заянчкович ничего не ответил. Но вдруг, то ли был этому причиной бешено вертящийся вентилятор, то ли у Заянчковича защеколало в носу, но все его существо охватила дрожь, и зрительный зал встряхнуло от оглушительно-го взрыва.

Директор судорожно повернулся, достал из кармана носовой платок и начал вытирать лысину. Его глаза метали молнии, а губы, перекосившиеся гримасой, шептали что-то невнятное.

— Ты опять обрызгал директора,— шепнула жена Заянчковича тоном порицания.— Я тебе говорила, чтобы ты поворачивал голову.

— Придется принять аспирин,— сказал Заянчкович.

Директор между тем еще что-то ворчал себе под нос, еще бросал время от времени возмущенные взгляды вокруг, но наконец и он занялся тем, что происходило на сцене.

— Извинился бы перед директором,— шепнула пани Заянчкович своему мужу.

Но тот был так поглощен сюжетом пьесы и молочным шоколадом, который таял у него в руках, что даже не ответил.

Наверно, на этом все бы и закончилось ко всеобщему благополучию, если бы внезапно в зрительный зал не вошел билетер. Приоткрыв двери, он впустил в зрительный зал волну холодного воздуха. То ли эта волна так повлияла на Заянчковича, то ли он вообще уже был сильно простужен, однако тут уж ничего не поделаешь: Заянчкович открыл рот, на мгновение замер и порывисто чихнул, еще раз обрызгав лысину сидящего перед ним директора.

Директор весь задрожал от возмущения и вытащил из кармана носовой платок. Вытирая лысину, он обернулся назад и прошептал злое:

— Ну, пан Заянчкович, вы можете забыть о повышении!

— Видишь! — толкнула супруга локтем пани Заянчкович.— Теперь ты не получишь повышения! Почему ты не поворачиваешь голову, когда чихаешь?

Заянчкович нетерпеливо повел плечами:

— Какое там повышение! Сто десять злотых! Из-за них я буду вертеть головой? Чихал я на такое повышение!

И, может, для подтверждения своих слов, а может, из-за того, что насморк прогрессировал, Заянчкович весь сжался и чихнул на лысину директора с такой силой, как если бы у него было подоготовлено другое место в другом учреждении.

ДНЕВНИК СПЕЛЕОЛОГА

Сто восемьдесят седьмой день.

Уже сто восемьдесят седьмой день я сижу в одиночестве под землей в пещере среди сталактитов и сталагмитов. На земле, дома,— жена, дети. Не знаю, выдержу ли я.

Сто восемьдесят восьмой день.

Миновал сто восемьдесят восьмой день моего одинокого пребывания в пещере. Там, на земле,— жена, дети, родственники. Выдержу ли я?

Сто восемьдесят девятый день.

Сто восемьдесят девять дней я нахожусь в подземной пещере. На земле, в городе, демонстрируют новый отечественный фильм. Выйти из пещеры? А может быть, все-таки выдержу?

Сто девяностый день.

Я провел в одиночестве сто девяносто дней. В пещере. А на земле друзья, знакомые, общество. Выдержу? Не выдержу.

Сто девяносто первый день.

Сто девяносто один день одинокой жизни под землей. На земле телевидение показывает развлекательную программу. Не знаю, выдержу ли я?

Сто девяносто второй день.

На земле торжественно празднуют чьи-то именины. Банкет! А я сижу здесь, под землей, сто девяносто второй день. Нет, кажется, не выдержу.

Сто девяносто третий день.

Вот уже сто девяносто третий день моего одинокого пребывания в подземной пещере. А на земле жена, дети, родственники, новый отечественный фильм, друзья, знакомые, общество, развлекательная программа на телевидении, празднование чьих-то именин, банкет!.. Выдержу ли я?

Нет, точно знаю, что этого всего наверняка не выдержу.

Останусь в пещере. До тех пор, пока окончательно не выдержу.

ЗАЧЕМ
СТАРАТЬСЯ?

Я заметил одного типа на трамвайной площадке. Он манипулировал около кармана какого-то гражданина: придвинулся к нему, потом стал с безразличным видом об этот карман тереться, что-то в нем щупал, трогал, наконец махнул рукой и, оперевшись о поручень площадки, стал бессмысленно глазеть по сторонам.

Меня все это заинтересовало.

— Мне кажется, что вы намеревались с этим карманом что-то проделать? — спросил я его просто так, из любопытства.

Он вяло посмотрел на меня и еще раз махнул рукой.

— Хотел в нем пошарить, — ответил он и тут же поправился, — собственно, если говорить по правде, то хотел и не хотел. Не то чтобы мне этого очень хотелось, как видите, я отказался от этой затеи очень легко.

— Не понимаю, — сказал я. — Хотели и не хотели? Разве так поступают карманники?

— Скажу вам откровенно, — объяснил он, — я не вижу причины особенно стараться. Радиоприемник у меня есть, телевизор есть, пылесос и стиральная машина есть, холодильник тоже имею. Автомобиль мне не нужен, потому что при моей специальности ездить приходится главным образом в общественном транспорте. Я достиг потолка, и мне не имеет никакого смысла дальше выбиваться из сил. На жизнь я себе всегда заработаю, даже если буду работать кое-как.

— А профессиональная гордость? — спросил я.

Карманник снисходительно усмехнулся.

— Пусть другие лезут из кожи вон, с меня хватит. Недавно получил срок. Три года. Адвокат защищал меня спустя рукава. Не старался. Вот мне и кинули трояк.

— Может быть, у адвоката уже есть радиоприемник, телевизор, пылесос, холодильник, стиральная машина и автомобиль? — спросил я.

— Вы как в воду смотрели, — проворчал карманник. — Уже всем обзавелся, достиг потолка, зачем ему было стараться?

— Но прокурор постарался,— заметил я,— наверно, у него еще не было холодильника и телевизора?

— Наверно, — кивнул головой карманник.

Я попрощался с карманником, трамвай как раз подошел к остановке, и я вышел. Тут недалеко жил мой врач (у меня уже несколько дней что-то кололо в боку, горело в горле и царапало в пищеводе).

Я подробно все изложил доктору, он бросил на меня беглый взгляд, потом поглядел в окно и выписал рецепт.

— Может, вы меня все-таки осмотрели бы, пощупали бы где надо? — беспокойно сказал я.

— Не надо, — отрезал доктор, протянул мне рецепт и крикнул: — Следующий!

Застегивая сорочку, которую я расстегнул в надежде на тщательный осмотр, я сказал врачу без обиняков то, что я об этом думал:

— Наверняка у вас уже есть пылесос, холодильник, радиоприемник, телевизор и стиральная машина. Вот вам и ни к чему особенно стараться. Разве я не прав?

Он даже не дал себе труда ни согласиться, ни отрицать. Я ушел с бумажкой, на которой был нацарапан рецепт, и в душе решил найти другого врача, еще не достигшего потолка.

От врача я поспешил к портному забрать новый костюм, который сегодня должен был быть готов. Примерив костюм, я чуть не окаменел от неожиданности, так кошмарно было сшито это безобразие. Я понял, что портной имел все то, что уже перечислялось в предыдущих случаях, что он достиг потолка и ему незачем было стараться.

Возвратившись домой, я задумался над трудной проблемой и сел писать этот рассказ.

Если кому-нибудь покажется, что мое сочинение далеко от совершенства, я прошу принять во внимание, что холодильник, пылесос, радиоприемник, автомобиль и телевизор у меня уже давно имеются, а из-за какой-то стиральной машины вряд ли стоит стараться и выбиваться из сил.

В ЗАБОТАХ О ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВЕ

Я решил зайти в ресторан первой категории, чтобы поужинать. На мне была замшевая куртка и спортивная рубашка без галстука.

— В этой одежде вы не войдете, — сказал швейцар.

— Почему? — спросил я.

— Одеты вы несоответственно, — объяснил швейцар. — У нас обязательны темный костюм, белая сорочка и галстук. Наш ресторан — предприятие первой категории, у нас бывают иностранцы, мы должны заботиться о представительстве.

Направившись к пивному киоску, я подумал, что в принципе товарищи из ресторана правы. У них бывают иностранцы, поэтому забота о внешнем виде обязательна. Это точно.

Однако ведь и на улицах тоже бывают иностранцы. А среди пешеходов, к сожалению, еще встречаются некоторые, одетые не по моде или имеющие в своем гардеробе отдельные детали, не соответствующие всему остальному. Я сам неоднократно видел, как цвет кашне расходится с цветом шляпы, или брюки сидят бог знает как, или сумки у женщин из плетеной соломы, что уж совсем недопустимо. Швейцара из ресторана первой категории этим можно окончательно доконать, не говоря уж об иностранцах. А не следует ли и в данном случае нам позаботиться о представительстве? Может быть, ввести специальные, оборудованные радиоаппаратурой автомобили, в которых мастера по части моды и элегантности обращались бы к пешеходам через громкоговорители:

— Будьте любезны, гражданка в фетровой шляпе! Теперь не носят пальто прямой линии, теперь носят пальто, расширяющиеся книзу, наподобие колокола. Прошу немедленно покинуть улицу! Гражданин, стоящий перед витриной с рыбными консервами! Вы собираетесь, что вы надели? Что это за дедушкин реглан? Как у вас вшиты рукава? Что вы нацепили на голову? По-вашему, это шляпа? Если вам нечего надеть, так сидели бы дома, а не разгуливали по улице!

Следует подумать также и о том, что иностранцу может взбрести в голову прокатиться в трамвае. В трамваях тоже придется навести порядок. Заботу об элегантности пассажиров можно поручить кондукторам, прошедшим специальные краткосрочные курсы моды.

— Эй вы! В чем вы лезете в трамвай! Какой сапожник сшил вам этот костюм? Прошу пройти вперед! Нет, это не вам, гражданочка. Вы, в туфлях на шпильках, немедленно покиньте трамвай! Шпильки уже давно не носят!

Люди бы научились думать о своем внешнем виде.

Рассуждая так и попивая пиво у киоска на улице, я время от времени бросал критические взгляды на проходивших мимо. У этого что-то торчит, у того что-то не выглажено, сплошь и рядом туфли не подходят к носкам. Я просто по-дурацки чувствовал себя в подобном окружении, хотя и не иностранец.

Ничего удивительного, что мне захотелось как можно быстрее очутиться в этом оазисе элегантности, которым является вышеуказанный ресторан первой категории.

Я отправился домой, надел смокинг, лакированные туфли, белую сорочку с накрахмаленной манишкой, черную бабочку, в карман положил галстук, на всякий случай, если бы швейцара бабочка не удовлетворила.

Перед входом в ресторан толпились люди; но мне удалось протиснуться вперед. Грудь сорочки ослепляла своей белизной, блеснул шелк на лацканах смокинга, но швейцар, зарывав: «Куда лезешь! Не видишь, свободных мест нет!» — вытолкнул меня с такой энергией,

что я вместе со всей своей элегантностью очутился на тротуаре в лежачем положении, что было особенно неприятно, так как граждане, желавшие попасть в ресторан, топтались на мне еще несколько минут, прежде чем я поднялся.

АЛЬБОМ С МАРКАМИ

Когда-то строгие нравы девушек запрещали им посещать одиноких мужчин без какой-нибудь благовидной причины.

Признаком хорошего тона считалось приглашать девушек для совместного ознакомления с альбомом марок. Предлагать свидание без альбома можно было лишь таким девушкам, встречи с которыми не делали мужчинам чести.

Теперь положение изменилось настолько, что альбом с марками перестал быть обязательным. Он может быть, а может и не быть.

— Закатывайся ко мне! — говорим мы, и конец. Упоминание о телевизоре или магнитофоне — это уже вопрос излишней болтливости, а не прямой необходимости.

Когда-то, повторяю, было иначе. Даже при максимальном успехе у кандидатки нельзя было делать попыток без альбома. От меня это требовало большого самопожертвования, потому что я с детства считал коллекционирование марок предельным идиотизмом. Большая часть моих товарищей придерживалась того же мнения, поэтому в исключительных случаях мы одаживали альбом у одного из наших друзей, который по части собирания марок был законченным маньяком.

У него было доброе сердце, и он одалживал нам альбом без отказа. Альбом был всегда в обращении, особенно весной, и бедный коллекционер не мог допроситься его хотя бы на минуту, чтобы вклеить в него что-нибудь новое.

Помню, что как-то после долгого ожидания своей очереди я, наконец, получил этот альбом. Я тотчас же спрятал добычу в шкаф и поспешил на гуляние в парк. Действительно, как я и ожидал, там на одной из скамеек сидела красивая голубоглазая филателистка. Короткая беседа о погоде и новостях в области издания почтовых марок помогла нам скоротать время и без скуки добраться до моей квартиры.

У девушки был такой прекрасный загар, она была так стройна и прекрасна, что я без промедления кинулся к шкафу за альбомом.

Показывая ей марки, я старался сдерживать свое восхищение загорелой коллекционершей. Она была так благовоспитанна, так свежа, обладала такими хорошими манерами, что я забыл, на каком свете нахожусь. Когда мы рассматривали серию марок с животными из Австралии, я еле сдержался, чтобы не упасть перед ней на колени и тут же сделать ей предложение.

— Сейчас будет коричневая марка с Францем-Иосифом, — неожиданно сказала она.

Я перевернул страницу, действительно Франц-Иосиф был тут.

— Вот! А сейчас мы дойдем до страницы прежних польских марок, — добавила она. — А потом будет такая забавная, лиловая, из Гватемалы. Жаль только, что она немножко попорчена.

Девушка была права. Все марки в альбоме шли в порядке, ею предсказанном. Я ничего не мог понять. Мне приходилось просматривать этот альбом, признаюсь без лицемерия, не один раз, но так обстоятельно я его не знал.

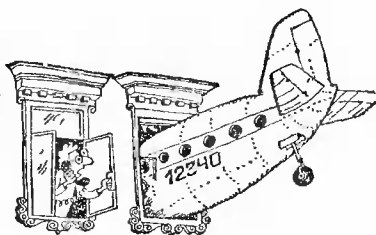
— Дальше Никарагуа, и конец, — заметила она.

— Откуда вы знаете?

— Ну, как же, ведь я просматриваю его, наверно, уже в десятый раз, — объяснила девушка с любезной улыбкой.

Последние страницы альбома я перелистал довольно небрежно, больше для формы. С предложением я решил подождать до момента, когда встречу такую девушку, которая, разглядывая альбом с марками, не будет наперед знать все, что в нем есть...

ПРОИСШЕСТВИЕ С САМОЛЕТОМ

— Алло! Могу я поговорить с директором? О чем? В мою квартиру залетел самолет. Наверно, заблудился. Речь идет о покрытии расходов по ремонту или о замене квартиры. Слушаю. Нет директора? Вышел? А кто его заменяет? Хорошо, соедините меня, пожалуйста, с заместителем.

Кабинет замдиректора? Могу я попросить к телефону заместителя директора? По какому делу? Самолет залетел в мою квартиру. Наверное, заблудился. Я хлопочу о возмещении затрат на ремонт или о предоставлении мне другого помещения. Что? Заместителя директора нет? Вышел... А кто его заменяет? Начальник отдела? Будьте любезны, соедините. По какому делу? Самолет залетел в мою квартиру, я прошу по возможности возместить расходы на ремонт или же дать взамен какую-нибудь другую квартиру... Что? Начальник отдела вышел? А кто его заменяет? Заместитель начальника? Пожалуйста, соедините меня с ним. Здравствуйте, у меня к вам такая просьба... Что? Заместителя начальника нет. А кто вместо него? Благодарю, соедините меня, пожалуйста, с референтом. Алло! Это референт? Что я хочу? Дело такого рода. Знаете ли, в мою квартиру влетел самолет, скорее всего сбился с трассы. Не могли ли бы вы возместить мне убытки, ну, там расход по ремонту, в крайнем случае заменить квартиру? Ах, референта нет на месте?.. А кто его заменяет? Вы? Ну это просто замечательно! Так вот, как я уже говорил, в мою квартиру залетел самолет... Слушаю. Что? Вернулся референт? Передайте ему, пожалуйста, трубку. Сердечно благодарен.

Здравствуйте! Я вот по какому делу: самолет залетел в мою квартиру, и я хотел бы просить... о возмещении возмещении... Что? Как раз пришел заместитель начальника отдела? Спасибо, жду... Это прекрасно, что я вас застал! Речь идет о том, что самолет, наверное, заблудился и влетел в мою квартиру, а теперь возникает вопрос о возможности возмещения расходов по ремонту. ...Ага, лучше об этом поговорить с начальником? Что? Он как раз возвратился? Если можно, соедините...

Это начальник отдела? Чтобы не отнимать у вас времени, я буду краток: самолет залетел в мою квартиру и в связи с расходами по ремонту... Что? Прямо к замдиректора? Как раз вернулся? Спасибо, спасибо!..

Это заместитель директора? Видите ли, самолет влетел ко мне в квартиру, я хотел бы уладить вопрос о возмещении расходов по ремонту или о замене... Что? Лучше на самый верх? К самому директору? Сердечно благодарю... Станция? Соедините меня, пожалуйста, с кабинетом директора. Что мне нужно? Самолет влетел ко мне в квартиру... Да, наверное, по ошибке, и я хотел бы получить возмещение расходов по ремонту или другое помещение... Что? У телефона директор? Здравствуйте! Что? Обратиться к заместителю? Хорошо... Алло! Будьте любезны заместителя. Я по вопросу о том самолете, который влетел... Что? Вышел? А кто его заменяет? Что? Срочное ли это дело? Ну, срочное или не срочное, но самолет влетел ко мне в квартиру двадцать лет тому назад, а я все еще не могу дозвониться...

Донесение

— Садитесь, пан Паджзерек...

Паджзерек уселся.

— Что нового? — спросил директор.

Паджзерек нахмурился.

— Каминский говорит, что пан директор — идиот, — сказал он с почтением, после чего опустил глаза и умолк.

— Что еще?

— Остальное все то же. Сковронский утверждает, что пан директор держится только крючкотворством, что будто вы собираете какие-то жалобы на руководство. Вронский обозвал пана директора болваном, садистом и свиньей.

— Так и сказал? — заинтересовался директор. — Припомните хорошенько.

Паджзерек прикрыл глаза и на минуту задумался.

— Нет, — сказал он, сообразив, — если говорить точно, то он назвал пана директора болваном, садистом и немытой свиньей.

— Почему немытой? — возмутился директор.

— Не знаю, — ответил Паджзерек, пожимая плечами. — Сам удивляюсь.

Директор забарабанил пальцами по столу.

— Дальше...

— Павлицкий считает пана глупцом, — продолжал донесение Паджзерек. — Валигурский выразился о пане директоре так... — Паджзерек заглянул в блокнот: «Дурак, каналья и мошенник».

— Говорите, пожалуйста, потише, — зашипел директор.

— Дурак, каналья и мошенник, — повторил Паджзерек шепотом.

— А может, он сказал просто «хулиган»? — с надеждой спросил директор.

— Очень вероятно, что он сказал также и «хулиган», — согласился услужливый подчиненный.

— Мне думается, — пояснил директор, — что в его высказывании вместо слова «мошенник» было только «хулиган».

— Нет, нет! В этом можете не сомневаться! Слово «мошенник» я специально несколько раз повторил про себя, чтобы не забыть. Звучала эта фраза полностью так: «Этот мошенник должен попасть за решетку».

Директор тяжело дышал.

— А Загвождзинский? — вспомнил он. — Что тот обо мне болтает?

— Ничего. Загвождзинский в отпуске.

Паджзерек открыл блокнот и начал его просматривать.

— «Старый дурень», — прочитал он, — это я уже вам говорил, это Ковальская сказала. «Хорошо, если его накроют» — это Малиновская. «Сутяга и вельможа» — это сказал Куликовский. «Карьерист» — это тот новый из планового отдела, забыл, как его фамилия. Вот, кажется, все.

Директор тяжело дышал.

— Благодарю вас, пан Паджзерек.

— Не за что, пан директор...

Паджзерек на цыпочках вышел из кабинета. В коридоре, как всегда, беседовали между собой сослуживцы. Приблизившись к ним, Паджзерек сказал с озабоченной миной:

— Наш черт опять не в настроении...

Ш Л Я Ж

Я очень люблю загорать. Нет ничего приятнее, чем удобно разлечься на солнце, лениво предаваясь теплу его лучей. Нынешнее лето я проводил в деревне, с утра уходил в поле и целые дни лежал на пахучем сене или дремал с утра до вечера у речки на раскаленном желтом прибрежном песке. Безоблачная погода оправдывала все надежды, и казалось, что я никогда не пресыщусь солнцем.

Однажды, прогуливаясь вдоль проселочного бездорожья, я случайно напал на уголок, который необычайно порадовал меня. Это был небольшой песчаный пляж, закрытый от ветра густым кустарником.

Особенно порадовало меня присутствие на пляже группы людей, которые, растянувшись на песке, в полном молчании подставляли солнцу и без того уже загорелые, бронзовые тела.

На мой вежливый вопрос, могу ли я воспользоваться пляжем и позагорать в милом обществе, один из них приглашающе кивнул головой, после чего я улегся неподалеку, предварительно намазавшись специальным кремом «Сомбреро».

Чтобы завязать более близкие отношения с моими новыми знакомыми, я предложил им пользоваться без всяких ограничений моим кремом для загара, однако это никого не заинтересовало. Я подчеркнул многочисленные достоинства указанного крема, его способность защищать кожу и в то же время ускорять процесс загорания, но никто не подхватил эту тему.

Я всегда считал, что загорать в компании куда интереснее, но в атмосфере этого пляжа ощущалась какая-то непонятная скука, видимо, сказывалось переутомление солнечными ваннами, люди стали неразговорчивыми и вялыми. Я несколько раз пытался развеселить общество блестящими шутками, это удавалось, но с трудом и ненадолго. Я интуитивно ощущал, что существует нечто, мешающее этим людям полностью предаваться радостям солнечных ванн и всей душой наслаждаться безоблачной летней погодой.

Я стал каждый день регулярно приходить на этот милый пляж, пытаюсь как-нибудь развлечь загорающих здесь мужчин. Я предлагал им различные гимнастические упражнения, всякие забавы и игры на свежем воздухе, но все мои усилия были напрасны. На пляже по-прежнему господствовало непонятное мне безразличие и ничем не объяснимая всеобщая инертность.

В конце недели моего постоянного посещения этого пляжа я обнаружил совершенно неожиданное оживление и даже движение среди загорающих. Настроение особенно улучшилось, когда на горизонте показался небольшой вездеход, быстро приближающийся к пляжу. Из машины вышли какие-то люди, один из них стал вписывать в большой лист бумаги фамилии всех присутствующих. Вскоре в списке оказалась и моя фамилия. Признаюсь, я удивился такому скрупулезному учету отдыхающих, но представляете себе всю меру моего изумления, когда один из прибывших открыл переносную кассу и стал одаривать деньгами всех нас, требуя взамен лишь, чтоб каждый расписался на бумаге рядом со своей фамилией.

Когда все мы уже расписались и вездеход умчался по кочкам, я, переполненный противоречивыми мыслями, спрятав в карман пачку банкнот, спросил одного из отдыхающих, который стоял поближе ко мне:

— Что-то я не могу понять! Оплата за загорание? Оплата за лежание на пляже? Что это за чудесный пляж?

Отдыхающий многозначительно постучал пальцем по лбу и сказал:

— Ты что, спятил? Какой пляж? Не видишь, что ли, мы здесь дорого строим!..

Бед~~а~~ с фами~~ли~~я~~ми~~

«Номина сунт одиоза». Если перевести эту латинскую фразу по ее точному смыслу, она означает: не упоминай имен.

Как-то я написал острый фельетон об одном отщепенце, которому дал вымышленную фамилию Жлобистодольский.

Некоторое время спустя у меня в квартире выключили свет. Когда я отправился с оплаченным счетом в руках к руководителю районной приходной кассы, чтобы выяснить недоразумение, тот посмотрел на меня уничтожающе и сказал: «А я Жлобистодольский».

Зря я объяснял ему, что мне и в голову не приходило, что мог найтись живой человек с такой фамилией. Он с горькой улыбкой дал мне понять, что включение света в моей квартире потребует очень длительных формальностей.

В результате я вынужден был написать фельетон, в котором единственному положительному герою дал фамилию Жлобистодольский, намекнув, между прочим, что все остальные люди не стоят того, чтобы он подавал им руку.

На меня обиделись многие мои знакомые, но свет в моей квартире появился немедленно.

Опасаясь и в дальнейшем подобных инцидентов, я стал крайне осторожен. Работая над сатирическим портретом одного из ряда вон выходящих каналов, я наделил его самой неправдоподобной фамилией Бджиенчифолиславский и надеялся, что теперь-то сумею спать спокойно. Так оно и было, пока случай не привел меня к некоему дантисту в маленьком провинциальном городке.

Он взял ручку, чтобы заполнить анкету, но, когда я назвал свою фамилию, как-то странно посмотрел на меня, схватил меня, как железными клещами, и стал винчивать в зубы что-то стальное по направлению от челюсти к мозгу. Делал он это так прилежно и упорно, что я несколько раз терял сознание. Он приводил меня в чувство и начинал все сначала, приговаривая при этом: «А я Бджиенчифолиславский!..»

С тех пор я решил вообще не давать фамилий отрицательным персонажам своих фельетонов либо в крайнем случае называть их одной буквой: «А» или «Е».

Несмотря на эти крайние меры предосторожности, меня преследует тяжелое предчувствие, что я когда-нибудь окажусь на операционном столе у хирурга «А» или сяду в таксомотор шофера «Е». Не удивляйтесь, если после этого я перестану писать фельетоны!

УПРОЩЕННЫЙ РАЗГОВОР

Встретил я на Закспанских Крупувках знакомого. Разговорились.

— Когда вы приехали?

— Три дня назад.

— Надолго?

— На две недели. А вы?

— Приехал позавчера.

— Надолго?

— До конца месяца.

— Погода паршивая.

— Кажется, должна улучшиться.

— Надеюсь.

— Где остановились?

— В доме отдыха.

— А я частным образом.

— Прекрасно! Надо будет как-нибудь сходить в кафе.

— Охотно. Как-нибудь.

— Привет!

— Привет!..

Весь этот банальный и ненужный разговор мы вынуждены вести лишь из соображений вежливости, и наш знакомый вынужден разговаривать с нами по той же причине, хотя скорее всего не имеет к этому ни малейшего желания. Не лучше ли было бы в такой ситуации сократить беседу до минимума и не тратить время на переливание из пустого в порожнее!

Достигнуть этого мы можем очень просто, пронумеровав самые затрепанные вопросы и ответы.

Разговор со знакомым на Крупувках выглядел бы тогда примерно так:

— Один? (Когда вы приехали?)

— Два. (Три дня назад.)

— Три? (Надолго?)

— Четыре. Пять? (На две недели. А вы?)

И так далее и тому подобное.

Несомненно, цифровые обозначения будут приняты всеми, кто уважает свое и чужое время.

Следует обратить внимание на то, что цифровой диалог может иметь еще и другое, маскировочное значение. Например, семейная

сцена ревности при гостях во избежание сплетен и нездоровой сенсации будет облечена в следующую форму:

— Девятнадцать! Пятьдесят три! (Распутница! Ты опять с Капуциньским!)

— Сорок пять. (У тебя мания ревности.)

— Шестьдесят! Шестьдесят один! (Меня не обманешь! Я его убью!)

И так далее и тому подобное.

И еще одно преимущество.

Когда мы рассуждаем о некоторых западных политиках, у нас часто вырываются замечания, способные смутить присутствующих при сем женщин и детей. Чтобы избежать неприятностей, гораздо лучше обмениваться мыслями на этот счет без ненужной риторики, коротко и понятно:

— Двести семнадцать!

— Триста два! Триста три!

— Двадцать девять тысяч восемьсот пятьдесят три!!!

— И еще двадцать три сотни...

МОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ на МАРС

Однажды я отправился в Союз писателей, чтобы уплатить членские взносы, а там мне говорят:

— Мы приготовили вам сюрприз. Так как вы много лет являетесь примерным членом нашего союза и аккуратным плательщиком членских взносов, мы выдвинули вашу кандидатуру для полета на Марс в качестве первого добровольца. Желаем успеха и счастливой дороги туда и обратно!

Мне было неудобно отказаться. Я спросил только, могу ли я в этом случае заплатить членские взносы в союз после возвращения из путешествия.

Мне это не посоветовали.

Я собрал чемоданчик, положил туда пару запасных носков «эластик», электрическую бритву и два бутерброда с краковской колбасой.

Потом надел комбинезон и вошел в ракету. Я попросил только,

чтобы меня запускали в небо не слишком быстро, так как хотел помахать рукой провожающим.

Должен признаться, что был момент, когда я почувствовал себя неважно. Кажется, это заболевание называется «боязнь высоты». Не знаю точно ее симптомов, во всяком случае, мне стало страшно. Я хотел даже выйти из ракеты, но было поздно.

Там мне очень понравилось. Я даже отправил на Землю почтовую открытку «Привет из космоса».

Ракета была еще совсем новая, амортизаторы у нее были жестковатые, и меня основательно трясло на ухабах Млечного Пути. Но когда я подложил под себя мою дорожную подушечку, тряска прекратилась.

Что за быстрота! Я летел во много раз быстрее звука. Так что крики удивления и восторга, которыми приветствовали полет мои знакомые и родственники, не могли меня догнать. Я подумал, как здорово можно будет использовать эти ракеты работникам космической милиции. Они смогут прибыть на место преступления раньше преступника.

Вскоре я оказался над Марсом и стал кружить вокруг этой планеты, делая фотоснимки и разные сложные измерения. Если в моих измерениях окажутся некоторые неточности, прошу меня извинить. Во-первых, я очень волновался, а во-вторых, у меня нет никакой квалификации. Через бинокль я смотрел на марсиан. Они выглядели именно так, как я себе представлял. На головах у них были антенны. У марсианок антенны были гуще, длиннее и завиты по последней парижской моде. Все махали мне руками и что-то передавали по радио на своем языке.

Мне удалось разобрать, что они хорошего мнения о моем литературном таланте и предлагают устроить на Марсе мой авторский вечер.

К сожалению, я не мог воспользоваться их приглашением, так как у меня не было марсианской визы и я не захватил в Союзе писателей путевку на выступление. Кроме того, я побаивался, что эти милые марсиане не захотят со мной расстаться после того, как они меня узнают ближе и полюбят.

А я должен был обязательно вернуться на Землю, чтобы принять участие в первомайской демонстрации, где меня ожидали толпы варшавян, цветы, оркестры, радио, телевидение, кинохроника и очень много девушек, желающих получить мои портреты с автографами.

И я, конечно, вернулся на Землю. Мне это было не так трудно, потому что, между нами говоря, на Марсе я не был. Этот репортаж я написал заранее, на всякий случай, про запас. Почему бы и нет! После исторических полетов в космос люди уже больше ничему не удивляются и могут поверить даже в мое межпланетное путешествие

так же, как и я верю теперь в любые чудеса, которые еще недавно простым смертным казались невероятными и недостижимыми для человека.

А членские взносы в союз я все-таки не заплатил. Заплачу, когда вернусь из полета на Марс. Куда торопиться?

Голос из колодца

Проселочной дорогой, ведущей в маленький город, шел солидный мужчина с портфелем. Внезапно он услышал голос, доносившийся из колодца:

— Воды, воды!

Мужчина остановился, приблизился к колодцу, наклонился над ним и закричал:

— Эй! Там есть кто?

— Есть! — плаксиво ответил голос. — Я в колодце! Ох, воды, воды!

— Вы находитесь в колодце, — удивился мужчина, — и еще просите воды?

— Умираю от жажды, — объяснил голос. — Колодец высохший... Воды, воды!

Мужчина остановился:

— Проблема водоснабжения будет разрешена, — убедительно сказал он. — Как раз этот момент я освещаю в докладе, который сейчас читаю на совещании. Уездные власти приложили немало усилий для расширения водопроводной сети, и только в третьем квартале текущего года уже сдано в эксплуатацию 1 250 километров водопровода, причем уложено на трассе 1 400 тонн труб. Построены также четыре современные очистительные станции, оборудованные по последнему слову техники, а также двенадцать артезианских колодцев. Для улучшения системы орошения прорыты каналы на площади примерно 400 тысяч гектаров поливных земель, что обещает мощный подъем сельскохозяйственной продукции. Вот как решается проблема воды на данном этапе, дорогой товарищ!

— Воды, воды! — застонал голос в колодце.

Мужчина наморщил брови.

— Почему вы торчите в колодце? — спросил он.

— Потому что я не могу из него выбраться,— глухо раздалось из колодца.— Хулиганы меня сюда сбросили.

— Хулиганы?! — воскликнул мужчина.— Энергичные меры соответствующих организаций — в специально изданном распоряжении — предусматривают ликвидацию этого безобразия в ближайшем будущем, раз и навсегда. Удвоены милицейские патрули, проведена работа среди молодежи, запрещена продажа алкоголя в дни зарплаты, установлены строгие наказания за хулиганские поступки, хулиганы широко вовлекаются в кружки самодеятельности в домах культуры, все это привело к тому, что процент хулиганских действий в I и II кварталах текущего года снизился на территории уезда с 17,8 процента до 13,9 процента! Разве это не достаточный повод для хорошего настроения и радостных выводов?

— Воды, воды!.. — простонал голос гораздо слабее.— Умираю от жажды!

— Э, нет! — возмущился мужчина.— Согласно статистическим данным, не отмечено ни одного случая смерти от жажды в колодцах. Борьба с происшествиями на производстве, на дорогах, на воде — вот первоочередная задача, которая выполняется нами и дает наилучшие результаты, о чем свидетельствуют статистические данные. Благодаря повышению качества руководства и контроля на 88 процентов происшествия на производстве снизились на 23 процента, на дорогах — на 16,8 процента, на воде — на 18,3 процента. Есть основания считать, что если дело пойдет так и дальше, то вследствие отсутствия происшествий длительность жизни населения в нашем уезде увеличится на 12,7 процента. А это — уже достижение, молодой человек!

— Воды, воды!.. — чуть слышно донеслось из колодца.

— Ну и упрямы же вы! — рассердился мужчина с портфелем.— Не поддавайтесь убеждению, заладили свое!.. Я думаю, что в конце концов мне бы удалось вас переубедить, но, к сожалению, я спешу в город на совещание. Подумайте над тем, что я вам сказал! — крикнул он в колодец на прощание и удалился торопливым шагом.

Часы с кукушкой

В часовой магазин входит покупатель. Продавец бросается к нему. Покупатель показывает на часы, висящие на стене.

— Я хотел бы купить эти часы.

— Это часы с кукушкой.

— Ну что ж. Пожалуйте, запакуйте.

- Увы! Я не могу их вам продать.
- Почему?
- Потому что это часы с кукушкой, но без кукушки. Кукушка отпоямалась и где-то затерялась.
- Это неважно. Пусть будут без кукушки.
- Да, но цена скалькулирована с кукушкой.
- В таком случае я заплачу, как если бы они были с кукушкой.
- Это невозможно. Потому что кукушки нет.
- Какая разница! Я согласен заплатить за кукушку, которой нет.
- Но я не имею права брать с вас деньги за кукушку, которой нет. У нас магазин государственный.
- Хорошо. Есть выход: дело в том, что у меня случайно имеется при себе кукушка, которую я снял с испорченных часов. Вы ее у меня купите, вмонтируйте в ваши часы, а потом продайте мне их с кукушкой.
- Мы не можем покупать кукушки у частных лиц.
- Безвыходное положение!
- К сожалению.
- Идея! Купите у меня эту кукушку частным образом.
- Зачем? Мне не нужна кукушка.
- Но частным образом вы ее можете купить?
- Допустим.
- Ну так вот вы ее купите, потом вмонтируете свою частную кукушку в государственные часы, продадите мне их по цене часов с кукушкой, а я вам верну ваши деньги за кукушку.
- Ничего не выйдет. Нам не разрешается продавать часы с частными кукушками.
- Минутку, минутку!.. Я вижу там на стенке еще одни часы с кукушкой.
- Это частные часы. Клиент принес их нам, чтобы мы вмонтировали кукушку.
- Значит, у вас имеются кукушки?
- Имелись. Но все вышли.
- О черт!.. Минутку! Есть идея.
- Что еще?
- Дайте-ка сюда эти частные часы. Спасибо. Мы вынимаем кукушку из частных часов вашего клиента.. вот так..
- Что вы делаете?
- Минутку!.. Откладываем ее в сторону. Ведь это государственная кукушка, не так ли? Теперь, пожалуйста, вмонтируйте мою частную кукушку в частные часы вашего клиента. Это вам разрешается?
- Вроде да, но только в нерабочее время.
- Хорошо. Вы это сделаете в нерабочее время. Пока же вмонтируйте эту государственную кукушку в ваши государственные часы.

Так, спасибо. Теперь продайте их мне по цене часов с кукушкой.
— Это можно. Пожалуйста, уплатите две тысячи триста злотых,
— Вот деньги.
— Благодарю. Часы вам запаковать?
— Да, только сперва отломайте эту проклятую кукушку. Я просто не выношу, когда часы кукуют...

ДИАЛОГ

Заколдованный круг.

Когда я не могу заснуть, я вспоминаю этот диалог. Впрочем, стоит мне его вспомнить — и я не могу заснуть. Все новые вопросы и ответы лезут в голову упорно, навязчиво...

- Где вы работаете?
- Я? Пишу.
- Как это пишете? Я спрашиваю: где вы работаете?
- Пишу. Для радио. Для телевидения. Для «Шпилек».
- Понятно. А где вы работаете?
- Дома.
- Где дома?
- У себя дома.
- Каждый из нас у себя дома что-нибудь делает. Я спрашиваю: где вы работаете? В какой организации?
- Ни в какой.
- Ни в какой? Это значит, что вы нигде не работаете.
- Нет. Я работаю.
- Где?
- Дома. Впрочем, не всегда. Иногда в пансионате, в горах. Иногда обдумываю что-нибудь на пляже. На пляже мне вообще неплохо работается. В кафе тоже.
- Стало быть, я был прав. Я сразу заметил, что вы чересчур загорелый, и сразу подумал: этот, наверно, нигде не работает. И вот факт...
- Но я же сказал вам, что я пишу, работаю.
- Да, да... На пляже, в кафе... Знаем мы таких!
- На пляже я только обдумываю фабулу.

— Другие тоже так объясняют, когда их ловят на пляже или в кафе в рабочее время. Мол, они думали!.. А когда берем их в работу, у них сразу пропадает желание думать. Сперва мы с такими беседуем, а потом делаем выводы. С вами я тоже хочу побеседовать.

— Но мы же беседуем.

— Именно, именно... И давно вы нигде не работаете? Вы когда-нибудь работали в учреждении?

— Да.

— Где?

— В редакции.

— Когда вы там перестали работать?

— Пятнадцать лет назад.

— Что? Так вы уже пятнадцать лет нигде не работаете? Вот это номер!

— Я уже сказал, что работаю дома.

— Дома... Фигли-мигли!..

— Но это действительно так. У меня с собой фрагмент рассказа, который я вчера начал. Написал уже четыре страницы. Именно дома.

— Сколько времени вы писали эти четыре страницы?

— Не помню... Что-то около трех часов.

— А после?

— Что после?

— Что вы делали после? Почему перестали писать?

— Дальше не шло. Не знал, что писать дальше.

— И что вы делали после того, как прервали работу?

— Вышел из дому... Пройтись.

— Ага, пройти захотелось! Переутомился за три часа работы!..

— Нет, не переутомился, просто подумал, что на свежем воздухе что-нибудь придет в голову.

— Знаем мы таких любителей свежего воздуха! А сколько часов вы сегодня работали?

— Сегодня я еще не работал. Все еще не могу придумать финала.

— Но выпить пива соображения хватило?

— Я не пью пиво.

— Интересно. Вчера три часа работали, сегодня совсем не работали... Ой, молодой человек, молодой человек! Когда вы возьметесь за какую-нибудь работу?

— Я вам уже показывал. Четыре страницы у меня уже есть. Когда закончу, отдам на радио или напечатаю.

— Что-то даже эти четыре страницы у вас не заполнены как следует. Даже тут экономите, чтобы написать поменьше букв. Почему пусто с левой стороны?

— Это поля.

— Зачем они? Столько места пропадает.
 — Мне поля нужны.
 — Для чего?
 — Чтобы вносить правку.
 — Какую правку?
 — Если захочу что-нибудь переделать в тексте.
 — Зачем переделывать?
 — Если что-нибудь плохо сформулировано или стилистическая погрешность.
 — Мало того, что вы пишете всего три часа, так еще допускаете брак. Погрешности! Ничего себе, работа!
 — Ну, не всегда погрешности. И не всегда только три часа. Иногда восемь, иногда и больше.
 — Восемь — это, наверное, на пляже или в кафе? Я вас вижу насквозь. Вижу, что вы за птица! Когда только вы возьметесь за ум! Вы меня слышите?
 — Слышу.
 — Что вы устались в одну точку? Кажется, я с вами провожу беседу.
 — Да... Мне пришла в голову интересная мысль. Пожалуй, я напишу...
 — Я бы хотел лучше знать срок... Когда вы приметесь за работу, а не за писание... Наверно, опять четыре страницы без конца и с погрешностями, а потом на пляж. Ох, доиграетесь!
 — Нет, я действительно напишу... Хорошая идея.
 — Какая?
 — Трудно так объяснить, но я попробую... вкратце... я напишу... ну, будто мне снится такой диалог, и меня кто-то спрашивает, где я работаю...

запчасти

— Извините, не купите ли вы фару к своему автомобилю?
 — Спасибо, мне не нужно. Как видите, на машине обе фары.
 — Пока обе, но может случиться, не будет ни одной. Вы знаете, как теперь раздевают машины. Я просто хотел избавить вас от возможных хлопот...
 — Может, вы и правы. Пожалуй, имеет смысл купить одну фару про запас. Но вдруг она краденая...

— Лучше краденая, чем никакая. В магазине ее не найдешь, а без фары далеко не уедешь.

— И то правда. Покажите вашу фару.

— Пока она еще на машине, но для меня отвинтить ее пара пустяков.

— Так вы просто вор! Как вам не стыдно!

— Стыдно, конечно. Но что делать?

— Ну, ладно, меня это не касается. Отворачивайте фару, только поскорее, и учтите, что я об этом ничего не знаю.

— Договорились. Давайте две сотни.

— Сперва отвинтите.

— Зачем? Фара на вашей машине.

— Так вы хотите меня обокрасть! Какая низость!

— Почему низость? С моей стороны это просто забота о живом человеке. Я не хочу создавать вам хлопоты с поисками фары. Я продаю вам ее на месте. Таким образом, вы ни на минуту не испытываете недостатка фары, а кроме того, нет риска, что я поврежу что-нибудь, когда буду отвинчивать и привинчивать.

— Гм... Что же это получается, что я должен купить у вас собственную фару?

— Точно. Она у вас уже проверена в работе и подходит к вашей машине. Если бы я продал ее кому-нибудь другому, она могла бы не подойти.

— Это верно, так бывает. Возьмите двести злотых.

— Спасибо. А «дворники» для очистки стекол вам не нужны? Отдам по дешевке. Только пятьдесят злотых.

— Тоже мои?

— А чьи же? Что, они плохо работают?

— Да нет, хорошо.

— Тогда о чем разговор! Берите заодно. Советую взять еще вентили для камер...

— Еще и вентили? Ну, это уж слишком!

— Как хотите! Я ведь только советую. Если стащут, нигде не найдете. Четыре пятерки.

— Возьмите двадцатку, но учтите, что больше денег у меня с собой нет.

— Ладно! На сегодня хватит! Привет!

— Привет! Подумать только, как расплодилось воровство! Жулик на жулике сидит и жуликом погоняет.

— Но, но! Полегче! Не покупали бы краденого, не было бы и жулья!..

ЧЕРТ

Однажды ночью явился ко мне черт. Я ожидал этого визита давно, так как был широко известен своею честностью, а это не могло не вызвать раздражения в адских кругах.

«Сейчас сатана начнет меня искушать»,— подумал я с беспокойством.

Но черт уселся поудобней на стуле, заложил копыто на копыто и, позевывая, смотрел на меня с полным безразличием.

Наступило долгое молчание.

— Ты, наверно, хочешь, чтобы я впутался в какую-нибудь хозяйственную аферу?— спросил я, не выдержав.

— Хочешь, впутывайся, не хочешь, не впутывайся,— ответил черт, спокойно выколупывая серу из-под ногтей.

«Что за дьявольскую шутку он приготовил?»— подумал я.

Черт не проявлял ко мне никакого интереса.

— Я должен что-нибудь украсть?— спросил я.

— Твое дело,— бросил он коротко.

— Наверно, ты бы хотел, чтобы я спился?— не унимался я.

— Спивайся, если хочешь,— сказал черт.— Отговаривать не стану.

— Понимаю!— догадался я.— Ты хочешь толкнуть меня на распутство. Полутьма, упоительная музыка, безумства...

— Э-э-э! Какие там безумства!— с отвращением отмахнулся черт.— Скука!

— Скука?— удивился я.— По-моему, очень даже приятно!

— Извините, кто кого здесь искушает?— запротестовал черт.

— Действительно,— согласился я.— Ведь это ты должен меня искусить, чтобы я согрешил.

— Что касается меня, то я не очень в этом заинтересован,— сказал черт.— Хочешь грешить, грехи, а не хочешь, не грехи. Меня это не касается.

— Что за черт!— закричал я, взбешенный.— Что с тобой происходит? Почему тебя ничего не касается?

— Изменилась система оплаты. Раньше мне платили с души, а теперь перевели на твердую ставку,— сказал черт и сплунул смолой.

— Фью-ю-ю!..— Я даже свистнул, услышав эту новость, и почувствовал, что возможность быть искусственным уплывает у меня из-под носа.

— Отметь командировку,— попросил черт, протягивая мне удостоверение, на обороте которого было отпечатано: «Прибыл», «Выбыл», а также: «Подпись искусственного».

Я подписался, черт спрятал бумажку в карман куцега фрака и помахал мне рукой.

— Привет! Исчезаю!

— Однако ведь петухи еще не пропели,— запротестовал я.

В ответ я не услышал сатанинского смеха. Черт удостоил меня лишь жалкой улыбкой и исчез.

На месте, где он только что сидел, не пахло ни смолой, ни даже серой.

«ВНИМАНИЕ, СЪЕМКА!»

— Внимание, начинаем съемку! Прошу всех приготовиться! Насыпьте, пожалуйста, побольше песка и небрежно бросьте пляжный зонтик. Внимание!.. Какого дьявола там, слева, еще поблескивает снег? И уберите снежную бабу на заднем плане. Мы снимаем пляж, а не Арктику. Прошу сбить сосульки с деревьев и побыстрее развесить на ветках листья! Внимание! Прожекторы — на зонты! Начали! Стоп! На крыше спасательной вышки еще остался снег. Побыстрее

сбросьте его лопатами! Актеры, на передний план! Прошу улечься для загорания! Не под одеяла, а на одеяла! Внимание! Начали!.. Стоп! Артист на втором плане, я к вам обращаюсь! Зачем у вас ушанка под сомбреро? Снимите немедленно. Это же пляж, а не сумасшедший дом! Внимание! Начали! Снимаем наездом на первого загорающего. Нет, мы понапрасну тратим время и пленку! Зачем вы дышите на руки? У нас по сценарию знойный июль! Товарищи милиционеры! Сколько раз я просил вас осадить этих зевак в тулупах?! Внимание! Начали! Стоп! Почему вы трясетесь? Прошу лежать спокойно! Никакой дрожи! Начали! Наезд на первого загорающего. Девушка, побрызгайте водой из резиновой шапочки на вашего соседа! Обрызганный при этом весело смеется. Попрошу веселее! Энергичнее брызгайте, иначе вода может замерзнуть. Стоп! Молодой человек, вы не имеете права синеть, у нас фильм цветной! Гример! Побольше румян ему на щеки! Пока сделаем перерыв! Можете укрыться пледами. Актер на втором плане, почему вы не укрываетесь? Что? Свело пальцы? Немедленно разотрите их снегом. Да не

песком, а снегом. Так, продолжаем съемку!.. Эй, там, на берегу! Оттолкните багром льдину. Подальше! Будем снимать панорамой. Как там дела с замерзшим? Готов? Оттащите его из кадра. Внимание, начали! Снимаем наездом! Песок, спины, проруби... Тьфу! Убрать проруби или я сойду с ума! Начали! Через песок, через спины, колени панорамируем на воду! Стоп! Придется переждать, пока проплывет ледокол... Внимание! Актеры, в кадр! Начали! Панорамируем по воде! Эй, вы, там, справа! Не притопывайте ногами, вам говорят! Это пляж, а не танцплощадка... Входите в воду... глубже. Глубже, без нежностей... Стоп! Так мы никогда не снимем этого фильма. Смахните иней с сомбреро! Хотя можете оставить, все равно метель поднимается. Конец съемки. Ну и климат, холера его возьми...

В ОЧЕРЕДИ

Я заметил его в очереди к горной канатной дороге. Он никого не отталкивал локтями, не врезался в толпу, чтобы пробраться вперед, не создавал толчею, как другие, он стоял спокойно, вежливо отстраняясь и пропуская вперед каждого, кто к этому стремился.

— Пожалуйста, будьте любезны,— мягко говорил он, указывая место перед собой.

Присматриваясь к нему около часа, я обнаружил, что он не продвинулся ни на миллиметр, в то время как я был уже на три сантиметра ближе к цели.

— Вы не продвигаетесь вперед,— заметил я.

— Увы, не продвигаюсь,— признался он.

— Но почему? — спросил я, заинтригованный столь неожиданной позицией.

— А зачем мне продвигаться? — сказал он. — Это абсолютно бессмысленно. Вчера, например, мне удалось с огромным трудом подняться на вершину. Какой это дало эффект?

— Вот именно, какой? — заинтересовался я.

— Я стоял в очереди к вагону канатной дороги. Наконец дождался. Когда я поднялся на вершину горы, я вынужден был стать в очередь за лежаком. Когда я получил лежак, было уже двенадцать часов дня. Я не стал лежак раскладывать, так как нужно

было встать в очередь, чтобы его сдать. В этой очереди мне пришлось уже основательно поработать локтями, потому что образовалась длинная очередь к канатной дороге,— все торопились спуститься вниз. Пока я сдал лежак, пока дошла моя очередь к канатной дороге и я спустился вниз, оказалось, что я опоздал в санаторий к обеду, и мне пришлось на пустой желудок дожидаться ужина.

— Гм... а ведь и вправду,— пробормотал я, беспококойно оглянувшись.

— Зачем же мне толкаться? — продолжал он.— Я пропущу вперед всех желающих и на канатную дорогу не попаду. Таким образом, я не поднимусь на вершину, пощажу собственные нервы и сэкономлю деньги на билет и прокат лежака.

— Однако,— воскликнул я,— с таким же успехом вы могли бы остаться дома, в санатории, и вообще не стоять ни в одной очереди. Разве не так?

— Не следует преувеличивать,— усмехнулся он.— Можно стремиться улучшать жизнь, но чтобы уж так, совсем без очередей... Вы отрываетесь от жизни.

— О нет! — запротестовал я.— Вы же видите, я стою в очереди...

ПОЛЬЗЫ ОБЩЕСТВА

— Здравствуйте! Сколько стоит пол-литра водки?

— Шестьдесят семь золотых. Очищенная отборная.

— Для меня это дорого. Не куплю. Могу обойтись без алкоголя.

— Вы можете обойтись, но есть такие, которые не могут. Алкоголизм — важнейшая проблема современности. Поэтому к стоимости каждой пол-литровой бутылки мы добавляем один золотый в фонд борьбы с алкоголизмом.

— Борьба с алкоголизмом — действительно важное дело. Я тоже хочу вложить в нее свой скромный золотый. Дайте пол-литра.

— Пожалуйста.

— По правде говоря, я не пью, но все равно куплю. Гостей угощу.

— Вы не пьете! А знаете ли вы, что ежегодное потребление чи-

стого спирта на каждую душу населения составляет около семнадцати литров, не исключая женщин, стариков и грудных детей?

— Семнадцать литров спирта на душу! Это просто ужасно! Подумать только, что я выпиваю в год едва одну рюмку. Из-за моей нелепой воздержанности на каждого старика и грудного ребенка приходится алкоголя больше, чем положено! Только теперь я понимаю, каким я был эгоистом. Будьте любезны, дайте мне еще литр водки. Таким образом я внесу в фонд борьбы с алкоголизмом сразу три злотых.

— Пожалуйста, еще литр.

— Я должен искупить свою вину перед обществом. Дайте еще три с половиной литра, я хочу внести в этот благородный фонд сразу десять злотых.

— Еще три с половиной литра... И когда только вы все это выпьете?

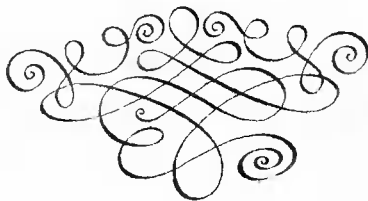
— Не знаю. Начну сейчас же и буду пить всю ночь, потом с утра до работы.

— Какая там работа! После пяти литров вам будет не до работы.

— Пожалуй, вы правы. Ну что ж, будет еще одна польза для общества. Я не смогу работать, значит, предприятие даст меньше продукции.

— Какая же от этого польза?

— Дело в том, что наше предприятие приносит одни убытки. Стало быть, чем меньше продукции мы будем выпускать, тем больше будет государству экономии...

СВЕТСКАЯ ХРОНИКА

* * *

Сногшибательную карьеру сделал один читатель ежедневной газеты, написав в редакцию письмо о протекающих у него в доме радиаторах парового отопления. Автор письма не обратил внимания на тот факт, что его пишущая машинка не выбивала некоторых букв. Благодаря этому письмо было принято в редакции за литературное произведение молодого поэта, и его напечатали в воскресном приложении. Расхваленный критиками, новый поэт пошарил в ящиках письменного стола и теперь на той же самой пишущей машинке перерабатывает для постановки в театрах годовой комплект счетов домоуправления. Специалисты предсказывают, что пьеса будет иметь огромный успех у актеров, так как пишущая машинка не выбивает именно те буквы, которые труднее всего выговаривать.

* * *

Принимая во внимание, что репертуар детских театров очень слаб, дирекция театра «Куколка» поставила вопрос об устройстве в своем здании вертящихся дверей. Таким образом маленьким зрителям будет обеспечено развлечение хотя бы при входе и выходе.

* * *

Телевизионный диктор пан Ж., который после каждой передачи появляется у микрофона красный от стыда, освобождается от обязанности в связи с переходом программы на цветное телевидение.

* * *

На премьере новой пьесы драматурга Зет во время второго акта в зрительном зале находились лишь те зрители, которые по причине опоздания не были допущены в зал на первый акт. О третьем акте данной пьесы отсутствуют какие-либо показания очевидцев.

* * *

По мнению одного из рецензентов, артист Г., выступающий в цирке, настолько не умеет побороть свой страх перед публикой, что хотя и неплохо играет на скрипке, стоя на голове, но, совершенно очевидно, не знает, что делать с ногами.

* * *

Директор театра в N заявил в интервью, что если бы он был владельцем театра, в котором он директор, то он бы себя первого уволил с работы.

* * *

Объявление в газете:

«Отправляющийся на высокогорное восхождение альпинист, страдающий хронической хрипотой, ищет спутника, умеющего громко кричать «Спасите!».

* * *

В связи с перегрузкой на работе директор З. в последнее время настолько теряет голову, что иногда не может сориентироваться, где он находится. В такие минуты он звонит по телефону своей секретарше и, спрашивая о себе, узнает, что он сейчас на производственном совещании или на приеме у министра.

* * *

Внесено предложение составлять по заявкам радиослушателей не только концерты, но и все другие радиопередачи, включая «Последние известия». Они должны составляться из таких сообщений, которые радиослушатели хотели бы услышать.

* * *

Внесена благодарность настройщику роялей пану Р., который, обнаружив, что рояль расстроился во время исполнения фортепьянно-

го концерта, мгновенно поднялся на эстраду и, не обращая внимания на боль, причиняемую ударами молоточков, настроил инструмент «на ходу».

* * *

Кустарно-промысловые предприятия готовят к выпуску в продажу художественно оформленные конверты для вручения взяток. На конвертах будут помещены рисунки, изображающие сцены из тюремной жизни, а также фотографии любимых прокуроров.

* * *

Большое замешательство на сцене театра в городе Н. вызвал местный суфлер. Желая ускорить выполнение плана в счет будущего года, он начал суфлировать актерам роли из пьесы, которые появляются в репертуаре через три месяца.

* * *

Референт пан Г, до такой степени неподкупен, что приходится дать ему пять тысяч злотых, чтобы он согласился принять взятку в пятьсот.

* * *

Известный композитор, автор произведений конкретной музыки, пан Б, обвинил в плагиате композитора Р., который присвоил себе его бульканье в канализационной трубе.

* * *

Вскоре посетит Варшаву культурная делегация людоедов из Средней Австралии. Делегацию будут приветствовать на вокзале представители министерства культуры и искусства, вытянувшие свой жребий.

* * *

Из-за скверной акустики в концертном зале в городе Н. местный дирижер совершенно не слышит оркестра. Исключительно благодаря тому, что в определенный момент оркестранты поднимаются и начинают укладывать инструменты, дирижер знает, когда нужно перестать дирижировать.

* * *

Подсчитано, что, если бы пани Люля (фамилия и адрес известны редакции) пожелала принять все предложения о совместной поездке на летний курорт, лето должно было бы продолжаться без перерыва около тридцати шести месяцев, что в наших климатических условиях, к сожалению, совершенно невозможно.

* * *

Известный своей скупостью гр. Р. прибил к калитке дачи плакат: «Внимание! Злая собака»,— который, по мысли владельца, должен был охранять его от гостей. Несмотря на это, некоторые знакомые продолжают посещать пана Р., так как, зная его скупость, не могут поверить, что он решился на покупку и содержание собаки.

* * *

Секретарша директора Н. известна тем, что абсолютно никого не допускает к своему начальнику. Даже назначенный на место директора Н. новый директор уже несколько лет безрезультатно пытается попасть в свой кабинет.

* * *

Как утверждают, из всех книг, имеющих на книжном рынке, наибольшее удовольствие доставляет читателям телефонная книга благодаря имеющемуся в ней телефону пожарной команды, которую охотно вызывают для смеха. Написанная простым языком, эта книга доступна также и для молодежи, скушающей в отсутствие родителей.

СОДЕРЖАНИЕ

Подарок	3
Бумага для машинки	4
Молитва	5
На приеме у начальника	7
Экскурсия в горы	9
Сапожник	11
Насморк	12
Дневник спелеолога	14
Зачем стараться?	15
В заботах о представительстве	17
Альбом с марками	19
Происшествие с самолетом	21
Донесение	23
Пляж	24
Беда с фамилиями	26
Упрощенный разговор	27
Мое путешествие на Марс	28
Голос из колодца	30
Часы с кукушкой	32
Диалог	34
Запчасти	36
Черт	38
«Внимание, съемка!»	40
В очереди	41
Для пользы общества	42
СВЕТСКАЯ ХРОНИКА	44

ЯНУШ ОСЕНКА

ЧАСЫ С КУКУШКОЙ

Редактор Б. А. Егоров.

Техн. редактор Г. И. Огородников.

Сдано в набор 18/XI 1971 г. А 00959. Подписано
к печати 10/VIII 1972 г. Формат бумаги 70×108¹/₃₂. Объем
2,10 усл. печ. л. 2,73 учетно-изд. л. Тираж 75 000.
Цена 8 коп. Изд. № 1859. Заказ № 2172.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Более трехсот авторов из всех уголков страны сообща сочинили одну тоненькую книжечку. С результатами этого невиданного и неслыханного в истории сатирической литературы коллективного творчества вы сможете познакомиться, прочитав нашу «КРОКОДИЛЬСКУЮ САТИРИЧЕСКУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ».

В «ПУТЕШЕСТВИЕ К ЦЕНТРУ ЕВРОПЫ» гостеприимно пригласил читателей Библиотеки Крокодила фельетонист Вл. МИТИН.

О хапугах, подхалимах и очковитателях рассказывает в своем сборнике «СЛЕЗА НА КАМНЕ» фельетонист Алексей ГОЛУБ. А вот кто именно и при каких обстоятельствах уронил на камень слезу, читатель узнает, прочитав книжку.

Цена 8 коп.

